

УДК 316.344.42(470.54-25) + 316.334.56(470.54-25)

Л. П. Пискунова

Л. Э. Старостова

**«ГОРОДОК ЧЕКИСТОВ» г. ЕКАТЕРИНБУРГА:
ВОПЛОЩЕНИЕ И ТРАНСФОРМАЦИЯ УТОПИИ
В ПОВСЕДНЕВНЫХ ПРАКТИКАХ СОВЕТСКОЙ ЭЛИТЫ**

В исследовании на материале устных рассказов различных поколений жителей «городка чекистов» Свердловска/Екатеринбурга выявляются и фиксируются практики конструирования реальности и трансформации человеческого опыта проживания в закрытом локусе советского мира. Цель исследования — выявить и зафиксировать процессы трансформации советской утопии, воплощенной в жилой архитектуре конструктивизма, в практиках повседневности екатеринбургского «городка чекистов».

Ключевые слова: «городок чекистов», повседневность, урбанистика, утопия, конструктивизм, повседневные практики.

У Маркса о бане ничего нет, и о праздниках — нет же, нет вообще о быте, об узоре жизни, до некоторой степени — о кружеве жизни.

Василий Розанов

Методология исследования

Город как специфическая форма социального бытия стал объектом пристального внимания в эпоху стремительного роста больших городов. М. Вебер, Г. Зиммель, а позже представители Чикагской школы (Р. Парк, Л. Уирт, Э. Берджес, Х. Зорбах и др.) в своих исследованиях обнаружили связь городского пространства как с социальным поведением в целом, так и с процессами социальной сегрегации в частности. С точки зрения представителей Чикагской школы исследований города, на структурирование городского пространства влияет процесс взаимного приспособления социальных групп: «город с его естественными районами становится “системой координат”, т. е. инструментом для контроля наших наблюдений над социальными условиями и их отношением к человеческому поведению. Эта непрерывная социальная деятельность не только реструктурирует социальное пространство города, но и производит символические системы легитимации данных поведенческих процессов» [10, 8], что позволяет рассматривать конкретные феномены социальной жизни в городе (локальные жилые и деловые зоны с устойчивой системой отношений) как относительно самостоятельные системы производства значений в ходе повседневной жизни. Причем значения задаются как извне, так и изнутри подсистемы городского сообщества.

Исследования социальной сегрегации в городе, предпринятые представителями Чикагской школы социологии в 20-х гг. XX в., созвучны концепции социального конструктивизма, основной тезис которой заключается в том, что люди конструируют реальность в практиках социального общения. И эта

сконструированная реальность затем начинает программировать поведение человека в его деятельности по преобразованию действительности.

В контексте данной статьи примечательно замечание П. Бергера и Т. Лукмана относительно роли семантических процессов в транзитивные эпохи. Как пишут исследователи, радикальные изменения в обществе могут привести к изменениям в психологической реальности. Тогда начнут формироваться новые теории, стремящиеся соответствовать изменениям в идентичности. Но если «идентичность станет проблематичной внутри самой теории», тогда теории будут придумываться «прежде фактов» [1, 289] и тогда политически ангажированные группы смогут осуществить идеологическую обработку и манипуляцию сознанием различных социальных слоев общества для формирования определенного «социального интереса». Одной из форм политической обработки «масс» стал советский конструктивизм: «Искусство кончено! Ему нет места в людском трудовом аппарате. Труд, техника, организация! Переоценка функций человеческой деятельности, связь каждого усилия с общим размахом общественных задач — вот идеология нашего дня» [3, 844]. Для А. Гана и его единомышленников конструктивизм был призван стать важным идейно-архитектоническим ресурсом переустройства жизни.

Здесь уместно будет обратиться к понятию утопии в том смысле, как его трактует К. Мангейм, противопоставлявший идеологию утопии. По мнению К. Мангейма утопии обладают реальной социокреативной силой: «...своим противодействием им удастся преобразовать существующую историческую действительность, приблизив ее к своим представлениям» [9, 164]. В этом смысле конструктивистский проект представлял собой именно утопию коммунального общежития, которая, будучи воплощенной в архитектурной конструкции, обернулась новой действительностью, поскольку, несмотря на факт влияния коммунистической идеи на повседневность советского человека, реальные жизненные стратегии сопротивлялись идеальной матрице, что придавало заранее непредсказуемые очертания, в том числе и городским практикам.

Одним из начинаний первых десятилетий советской власти стало создание домов-коммун, «соцгородков», в которых осуществлялась попытка трансформации архитектурных решений под новые представления об организации советского быта: экономия пространства и инфраструктуры отправления гигиенических нужд, оптимизация бытовых забот через вынесение функции приготовления пищи за пределы индивидуальной бытовой зоны и т. п. Хотя практически сразу в коммунальном фонде стали выделяться пространства привилегированного социального статуса, в целом новые идеи коммунального общежития были реализованы в ряде архитектурных жилых проектов. Еще одной чертой домов-коммун был принцип отбора жильцов по единому профессиональному/социальному основанию. Так, в Ленинграде был построен дом-коммуна гостиничного типа «Дом-коммуна инженеров и писателей». Будущие жильцы выступили пайщиками строительства. В этом доме не было кухонь, что компенсировалось столовой, в которой жильцы получали еду по карточкам [6, 79–80]. Более продуманным был дом-коммуна, построенный в 1929 г. в Москве по проекту М. Я. Гинзбурга. Как пишет Н. Лебина, «предполагалось, что комплекс будет состоять из четырех корпусов: жилого, коммунального, детского, служебного» [Там же, 81]. В доме были и элитные

апартаменты. Ключевыми требованиями, предъявляемыми к конструктивистским зданиям, были экономичность и функциональность с точки зрения максимальной оптимизации удовлетворения бытовых нужд. «Конструктивизм, называемый иногда пролетарским архитектурным стилем, благодаря относительной простоте конструктивного решения зданий и отсутствию многодельных декоративных деталей позволял использовать для их возведения дешевые местные строительные материалы, привлекать к строительству рабочих, не имеющих высокой квалификации, сокращать сроки и стоимость строительства» [12, 60].

В контексте идеологии индустриализации такая концепция советского быта была нацелена на решение задачи оптимизации отправления бытовых нужд в целях максимального высвобождения энергии на решение производственных задач.

Екатеринбургский «городок чекистов», построенный по проекту группы архитекторов под руководством И. П. Антонова в первой половине 1930-х гг., — архитектурный памятник советского конструктивизма, воплотивший в реальность советскую идею коллективного общежития нового типа, особый модернистский проект. Изначально задуманный как комплексная система коммунального обеспечения замкнутого профессионального сообщества (сотрудников НКВД), с ходом десятилетий екатеринбургский городок претерпел ряд социокультурных изменений, по-своему преломивших в себе историческую траекторию советской эпохи. Не случайно он был выбран главной площадкой Третьей уральской индустриальной биеннале, которая открылась осенью 2015 г.

С другой стороны, «городок чекистов» представляет собой развернутую реализацию модели советской жилищной политики на повседневно-бытовом уровне: городок включает четырнадцать корпусов, из которых часть — жилые, один представляет собой общежитие гостиничного типа (ныне гостиница «Исеть») и несколько объектов социальной инфраструктуры (поликлиника, столовая, прачечная, ясли, дом культуры, магазин). Все это позволяло решать бытовые проблемы, не покидая периметра городка. Связь с нуждами производственной сферы тоже очевидна: городок был сразу телефонизирован, чтобы живущие здесь сотрудники НКВД/КГБ могли быть поставлены в известность о необходимости срочно вернуться на работу всегда, когда это нужно будет системе. Пространственное расположение «городка чекистов» также отвечает рациональному подходу к удовлетворению требований производственной необходимости. До места работы жителям городка можно было быстро дойти пешком или доехать на служебной машине.

Можно предположить, что значения (оптимизация быта как часть производственной рациональности, потребление «по потребностям», заранее «предугаданным» планировщиками), закладываемые еще на стадии планировки городка, переосмыслились в процессе пользования созданной инфраструктурой, т. е. в повседневных практиках жителей городка.

Изучение исторического опыта трансформации этого запрограммированного социального пространства в ходе повседневных практик является частью проблематизации советского через призму социально-архитектурного проекта конструктивизма и может послужить решению следующих задач:

— вскрыть механизмы трансформации урбанистического пространства в опыте нескольких поколений;

— выявить процессы трансформации символических значений, изначально предписываемых городскому пространству утопическим дискурсом социальных реформаторов.

Будучи явлением сталинской модернизации, особым примером формирования модернистского человека методами жесткой репрессивной машины, пронизывающей как саму повседневность, так и вопросы о жизни и смерти всех к ней причастных, екатеринбургский «городок чекистов» является образцовым примером как попытки создания нового человека в новых социальных условиях, так и ситуации столкновения утопии с непосредственными формами повседневной жизни.

Н. Н. Козлова, одна из первых российских исследователей советской повседневности и субъективности, считала их важнейшими пространственно-временными и эмоционально-чувственными измерениями развертывания истории, сферой протекания человеческой жизни. Повседневность «поддерживает стабильность функционирования человеческих обществ... это целостный социокультурный мир, как он человеку дан» [5, 13]. Анализ повседневности — это всегда, с одной стороны, рассуждение о первичных онтологиях, о «вещах», окружающих людей, с другой стороны — разговор о практиках обращения с ними, о классификации мира, о телесном опыте человека (привычки, обычаи, ритуалы, техники сна, еды и т. д.). «Повседневность — “мир естественной установки”, пестрой мозаики жизни» [Там же, 14].

По мысли В. Беньямина, исследование повседневности в формах «предельной конкретности» выводит ее за пределы жанров «большой истории», Больших проектов, Больших идеологий. Анализ социальной реальности в модусе повседневности позволяет выявить многообразие жизненных выборов, борьбу ценностей, символические игры, стоящие за монологизмом политических и идеологических решений. Сфера повседневности, включая в себя «все», в некоторой степени автономна, потому что в ней действуют логики практики, коммуникаций, аффективной и символической интеграции. В практической жизни, исходя из этих логик, человек всегда перерабатывает решения власти, идеологические клише. «Власть, будучи всепроникающей, проявляется здесь в иных, горизонтальных формах, в виде микрофизики власти» [Там же, 16]. Исследования повседневности в связи с этим демонстрируют, что социальный, ценностный порядок общества имеет множественные измерения, что человек не кукла на веревочках структуры, что его чувства и представления лежат в основе любой социальной структуры.

В процессе обсуждения с К. Кобриным концепта «модерность» М. Липовецкий сформулировал очень интересный вывод, который мы позволим себе использовать для уточнения методологических рамок нашего исследования. Повседневность и повседневное самосознание есть «место прорастания и испытания модерности»; и главной исследовательской проблемой в этом контексте является характер взаимоотношений между представлениями о модерности и стратегиями выживания — интеллектуального, культурного, бытового. «Именно повседневность приобретает значение того оселка, на котором проверяются на прочность, затачиваются и обламываются те или иные версии (а главное — связанные с ними

ценности) модерности» [7]. Идея представителей французской школы «Анналов», согласно которой именно в структуре повседневности осуществляются незаметные сдвиги, приводящие в конечном счете к смене социальной реальности, особо актуализируется у М. Липовецкого в ракурсе разговора о судьбах модернистского проекта: когда утопическая идея нашла способы материального воплощения, самым сильным испытанием ее на прочность оказывается ежедневное существование человека.

Утопичность советского конструктивистского проекта очевидна: ее манифестировали в своих статьях сами архитекторы-конструктивисты. Кроме того, конкретные формы проявления этой утопии мы находим в воплощенных архитектурных решениях, одним из которых является екатеринбургский «городок чекистов». Очевидно и то, что на сегодняшний день историческая идентичность (утопия) «городка чекистов» стерта в сознании его жителей и горожан. Этот исторический и смысловой разрыв не возник одновременно, он нарастал от года к году, где-то рывками (уплотнение, волна репрессий, снятие с баланса системы КГБ и «открытие» городка, перестройка) и не всегда осознавался — ни жителями, ни внешними наблюдателями. Но динамика повседневной жизни вывела этот комплекс из разряда воплощенной коммунистической утопии в реальность постсоветского российского общества, когда «городок» становится обычным городским кварталом во второй половине XX в., а затем, в 1990-е гг., может быть использован как значимый маркер увядания советской эпохи (об этом свидетельствуют по крайней мере два фильма, снятые в эти годы: документальный фильм В. Ярмошенко «Городок чекистов» (1993) и художественный фильм В. Хотиненко «Макаров» (1993), а сегодня его обветшалость по-своему выражает аутентичность советского ретро (некоторые представители екатеринбургской интеллигенции именно поэтому охотно селятся в этом квартале).

Зафиксировать хотя бы часть малозаметных сдвигов в повседневности «городка чекистов», которые постепенно уводили его от утопии, можно с помощью структурированного изучения этой повседневности. В реконструируемом жизненном опыте людей, в воспоминаниях жителей «городка», мы сможем уловить сдвиги и запускавшие их механизмы, через которые реальная жизнь подтачивала фундамент модернистской конструкции.

Один из первых исследователей, предложивших программу изучения структур повседневности, был Ф. Бродель, выделивший в ней широкий спектр форм — от жилища, одежды и напитков до орудий, техники, планов поселений, моды [2, 38]. Ф. Броделю вторит Ю. М. Лотман, писавший, что «быт — это не только жизнь вещей, это и обычаи, весь ритуал ежедневного поведения, тот строй жизни, который определяет распорядок дня, время различных занятий, характер труда и досуга, формы отдыха, игры, повседневные ритуалы» [8, 493]. Приходится констатировать, что структура мира повседневности в исследовательской литературе не нашла однозначного определения. Вместе с тем в нее попадает все, что непосредственно встроено в каждодневный рутинный опыт человека: совокупность вещей, инфраструктура, предопределяющая поведенческие паттерны, и сами эти паттерны, т. е. модели поведения. Для жилого комплекса эти структурные элементы повседневности могут быть рубрицированы следующим образом:

- пространство «городка», внешнее (периметр, двор) и внутреннее (подъезды, квартиры), несет в себе инфраструктурный срез повседневности;
- общение в «городке», отражает поведенческие паттерны его жителей;
- снабжение и вещи «городка», которые объединяют в себе вещественный уровень повседневности.

К этой структуре мы добавили лексику городка как особый уровень повседневности, дублирующий в словах жизненные практики людей. Здесь можно «поймать» смыслы, которые люди вкладывают в то, что они делают, порой неосознанно.

В соответствии с выделенной структурой повседневности мы разделили собранную информацию по рубрикам: пространство «городка», квартиры «городка», общение в «городке», снабжение «городка», лексика «городка».

Методом сбора информации о повседневности «городка чекистов» стало глубинное интервью. Данное исследование использует в качестве источника устные рассказы жителей «городка чекистов» Свердловска/Екатеринбурга (1941, 1945, 1952 гг. р.) о своем детстве и юности.

Повседневные практики «городка чекистов»

Закрытость «городка», изначально predetermined принадлежностью профессиональной группе, существовала не только пространственно, но и на ментальном уровне. Некоторым свидетельством этой закрытости, сохранившейся до сих пор, является «сложность исследовательского поля». Респонденты плохо идут на контакт, неохотно делятся воспоминаниями о прошлом.

В силу объективных причин (те, кто были первыми взрослыми жителями городка, либо умерли, либо давно отсюда уехали) большинство интервьюируемых могут быть обозначены как «дети городка». Их опыт жизни в городке сформирован специфически детскими практиками — занятиями в кружках, детским общением, играми, а также восприятием мира взрослых глазами детей.

Пространство «городка». В то время когда проходило детство респондентов (послевоенное время — конец 1950-х гг.), «городок» постепенно утрачивал свою «закрытость». В 1950-е гг. в «городке» еще существовал пост охраны, но попасть в «городок» чужаку не составляло особого труда. Мальчишки даже сделали лазейку в заборе, раздвинув прутья решетки, или ловко перебирались через верх высокой ограды, чтобы не обходить городок, возвращаясь в него в неурочное время. В часы ухода детей в школу и возвращения домой задние ворота (выход на улицу Кузнечную) «городка» открывались, контроль за входящими в этот момент не осуществлялся. Но пространство «городка» осознавалось как защищенное: машины в «городок» практически не заезжали, дети без сопровождения взрослых «городок» через пункт охраны покинуть не могли. Тотальная телефонизация «городка» обеспечивала быструю связь поста охраны с любой квартирой, поэтому вынести что-то крупное из «городка» без контрольного звонка с поста охраны постороннему человеку было практически невозможно.

В темное время суток городок освещался не только фонарями около подъезда, но и мощными прожекторами (от двух до четырех, по разным воспоминаниям), что делало пользование территорией не только удобным, но и безопасным. «Все

тротуары и площадки были освещены как днем, окна приходилось плотно занавешивать шторами». Двор многими воспринимался как очень чистый, ухоженный и даже респектабельный («у нас был прекрасный дворник», «летом к 8 утра дорожки были уже подметены и политы водой», «в центре игровой площадки размещался прекрасный фонтан»).

В целом «городок» существовал как автономная социальная система, в которой можно было удовлетворить разнообразные нужды, не покидая периметра «городка» (прачечная, баня, парикмахерская, детский сад, поликлиника, магазины, клуб с концертным залом, спортивные секции и кружки по интересам для взрослых и детей, ремонтные мастерские, местный портной, столовая, в которой многие брали домой еду, унося ее в специальных судках).

Более того, система «городка» была частью более крупной системы, которую обеспечивала система НКВД/КГБ: жилье в «городке» дополнялось комнатами на ведомственной даче, находившейся на озере Балтым, дети «городка» получали путевки в ведомственные пионерские лагеря, родителей объединяло общее место работы, что создавало дополнительные основания для прочности социальных связей в «городке»: сослуживцы могли вместе проводить досуг (развлекаться, отмечать праздники), не покидая городка. Особые чины имели возможность выйти/зайти в «городок», имея ключ от парадной двери, которая вела на наружную сторону городка (улицы Луначарского, Первомайская). Машины за ними подъезжали к парадному выходу. В подчинении ведомства в Малом Истоке после Великой Отечественной войны появилось свое хозяйство (там работали пленные немецкие женщины, *«они были очень дородные, крупные, всегда приветливые и обходительные»*), там можно было отоварить продуктовые талоны: *«по разрешению отца за мной заезжал его служебный автомобиль и я ехала за продуктами — мне там давали овощи, бидон сметаны, молоко, творог»*.

В конце 1950-х гг. «городок чекистов» утрачивает свою закрытость: любой может беспрепятственно войти в него, а в 1990-е гг. это даже становится причиной тревог для жителей «городка»: незванные гости шумят и мусорят на территории. Между тем закрытость продолжает ощущаться на уровне планировки: *«замкнутый периметр создает чувство защищенности»*. Пожалуй, пространственная организация — главное завоевание архитектурного проекта «городка чекистов»; как и раньше, она дает его жителям чувство защищенности и уюта. Удобство планировки «городка» (функционализм, пристальное внимание к поддержанию высоких гигиенических стандартов жилья, хорошая инсоляция квартир), чувство закрытости и защищенности — все это делает его привлекательным и для современных жильцов.

Квартиры «городка». Перепланировка квартир в «городке», на наш взгляд, является самым показательным маркером противоречия архитектурной утопии последующим социально-бытовым практикам. То, что изначально в квартирах не планировалась кухня, стало причиной неоднократной перестройки квартир. Те, у кого количество комнат позволяло комфортно разместиться всей семье, могли позволить себе переделывать комнату с эркером «фонарь» под кухню, поскольку газовая плита находилась в коридоре у стены, разделявшей «фонарь» и коридор. Со стороны комнаты в этой части стены был шкафчик, ориентированный на две

стороны. Со стороны комнаты, в нижней части, это была кладовка, а со стороны коридора, в средней части, — ниша, в которой стояла газовая плита (на довольно неудобной высоте, по отзывам одной из респондентов). На перевод комнаты-«фонаря» в статус кухни (нежилое помещение) влияла и система оплаты за коммунальные услуги. Интересно, что когда плита располагалась со стороны «фонаря», в некоторых квартирах ее закрывали дверцами, поэтому в моменты, когда плита была не нужна, ее и не было видно. Высокие потолки позволяли устраивать вместительные антресоли в зоне коридора. В одной из таких антресолей местный фотограф даже оборудовал фотолaborаторию. Последующей перedelке (в 1960-е гг.) подверглись и окна в домах, поскольку изначально они открывались наружу, что превращало процедуру мытья окон в занятие акробатического типа.

Особой перedelке квартиры подвергались во время и после Великой Отечественной войны. В эти годы «городок» плотно заселяется (тогда квартиры уплотнялись за счет эвакуированных), иногда семьи размещались и в ваннных комнатах (благо в них было окно). Полезная площадь квартир использовалась по максимуму, изначальный функционалистский принцип отношения к жилью в условиях войны вновь возобладал. Кухни вернулись в ниши для разогрева, расположенные в коридоре, а высвобожденные комнаты заселялись новыми жильцами. Признак элитности квартир «городка» — окно в ванной комнате — также неоднозначно воспринимается их сегодняшними владельцами: нередко в процессе реконструкции на месте ванной комнаты делают кухню, а для сантехники отводят закуток в коридоре.

Общение в «городке». В «городке» 14 корпусов, из них 8 жилых, весьма неоднородных по социальному и профессиональному составу жильцов: сотрудники органов (НКВД/КГБ), военнослужащие МВД, технический персонал НКВД, персонал, обслуживавший инфраструктуру «городка» и (в меньшей части) люди, не имевшие отношения к НКВД, — эвакуированные во время войны и оставшиеся здесь. Жилые корпуса «городка» различались как по планировке, так и по размеру квартир (от двух до шести комнат в квартире). В корпусах с большими квартирами жили представители генералитета и высшие офицерские чины НКВД/КГБ (2, 4, 13-й корпус), имея отдельные квартиры. Представители обслуживающего персонала занимали по комнате в большой коммунальной квартире (14-й корпус). Квартиры средней величины в разное время были как коммуналками, так и квартирами на одну семью. До начала войны «городок» был заселен преимущественно офицерами НКВД, МВД и членами их семей. «Чужими» здесь были обслуживающий персонал как самого «городка», так и различных хозяйственных структур силовых ведомств (официанты, буфетчицы, чайницы, кладовщики и т. д.). Они жили преимущественно в корпусе 14. По отзывам некоторых респондентов, он воспринимался как изгойнический, маргинальный, наименее благополучный, хотя информанты (справедливости ради уточним, что ни один из наших информантов не проживал в 14-м корпусе) отмечали, что это не отражалось на отношении к детям, живущим в данном корпусе. Но взрослые считали, что это корпус «обслуги», рядом с которым к тому же располагались котельная и мусорная площадка.

Котельная представляла собой опасную зону, и взрослые не разрешали детям из других корпусов там гулять. Между тем это место притягивало детей, особенно

стеклянным куполом котельной, находившимся на уровне земли. Через этот купол дети любили подсматривать за работой кочегаров. Но, по воспоминаниям одного из информантов, им порой и самим не хотелось приближаться к куполу котельной из-за устрашающего вида кочегара. *«Даже сейчас, по прошествии почти 70 лет, у меня стоит перед глазами его черное лицо, каждая пора которого забита угольной пылью, белыми были только зубы и белки глаз, я всегда боялась проходить мимо его вотины... все ожидала получить в спину кусок угля или камня».*

Вообще, формирование дворовых практик советской эпохи заняло не одно десятилетие. Как отмечает А. Пиир, «противопоставление нового просторного и благоустроенного советского двора, предназначенного для отдыха детей и трудящихся, мрачному и вредному для здоровья двору предшествующей эпохи возникло еще в 1920-х гг., однако реальное воплощение этой идеи в массовом порядке началось спустя 30 лет» [11, 374]. Екатеринбургский «городок чекистов» является примером авангардной (в смысле — передовой) реализации этой советской концепции в 1930-е гг., еще на этапе планирования.

Хотя социальная принадлежность не влияла на отношения между детьми, в городке все равно возникали группировки мальчишек, периодически враждовавших между собой. Однако в отношениях с детскими группировками других дворов местные мальчишки выступали единым фронтом, четко осознавая «внутригородковую» солидарность (форма проявления территориальной идентичности). Возможностей для общения у детей городка было много: спортивная площадка, зимой превращавшаяся в большой каток с елкой; большой фонтан, в котором летом можно было купаться, а рядом на «полянке» загорать; в летние месяцы еженедельный массовик-затейник из Дворца пионеров, разучивавший с детворой танцы, песни, театральные сценки. Многие дети активно посещали кружки художественной направленности: струнный оркестр, балетную студию, школу игры на фортепиано, изостудию, кружки технического моделирования, спортивные секции в ДК им. Ф. Дзержинского. Были и кружки для родителей (вышивание, прикладное творчество). Для занятий дома у детей были *«казенные пианино и рояли»*.

Зоной сильного притяжения для детей было общежитие для семей сотрудников младшего офицерского состава (ныне гостиница «Исеть»), в котором были лифты и коридоры особой полукруглой конфигурации. Пробежка по полукруглым коридорам этого здания и поездка в лифте (так, чтобы охрана не поймала) были для мальчишек настоящим приключением. Манили ребят и подвалы. Одним из центров дворовой активности была большая спортивная площадка, оборудованная разнообразным спортивным инвентарем и столами для игры в шахматы/шашки. Бывшие дети городка вспоминают, что часто устраивались матчи по футболу, баскетболу и волейболу среди взрослых, смотреть которые собиралось большое количество зрителей всех возрастов. «Не удивительно, что, когда в 1952 году в Свердловске был проведен первый турнир дворовых команд города... его выиграли юные футболисты “городка чекистов”» [4, 9].

На протяжении почти восьмидесяти лет характер общения между жителями «городка» постоянно менялся: репрессии, война, перемещения сотрудников в связи с повышением по службе или «производственной необходимостью»

привели к структурным изменениям в социальном составе жителей «городка», появлялись люди с иным культурным бэкграундом и привычками, *«после войны на детской площадке часто можно было увидеть шелуху от семечек, лежащую плотным слоем»*.

До середины 1960-х гг. многие жители «городка» знали друг друга и поддерживали между собой добрососедские отношения (приветствия, посиделки на скамейках, игры на спортплощадке). Сейчас же ситуация кардинально поменялась: *«даже соседи по площадке не здороваются и не общаются между собой»*. Только редкие старожилы, встречаясь во дворе, все еще по привычке вспоминают *«коммунистический рай»*.

Снабжение «городка». Снабжение городка строилось на принципах полного материального обеспечения. При этом подразумевалась отнюдь не роскошь, а предоставление в безвозмездное пользование или за минимальную плату необходимых, но далеко не всегда доступных в молодом советском обществе материальных благ. Об этом свидетельствуют так называемая казенная мебель и упоминавшиеся выше музыкальные инструменты с инвентарными номерами, до сих пор сохранившиеся в некоторых квартирах. Жителям полагался базовый набор посуды, постельного белья. До войны жители городка, имевшие отношение к системе НКВД/КГБ, получали талоны на питание. Каждый день *«я ходила с судками в столовую, размещавшуюся на первом этаже ДК им. Дзержинского»*, получая там готовые обеды и ужины. *Папа в будние дни никогда дома не ел. Во время Великой Отечественной войны талоны не выдавали, мы получали только хлебные карточки. Иногда у нас скапливались излишки хлеба, и я по заданию мамы ходила продавать его на рынок»*. Эти «судки» были обязательным предметом каждой квартиры, необходимым элементом включенности в инфраструктурную систему «городка». По словам одной из наших информанток, *«в городке жила женщина, не имевшая этих судков, и она, по необходимости, обед из трех блюд сливала на пункте его выдачи в одну кастрюлю»*.

За старшими офицерами были закреплены служебные автомобили, которые иногда они использовали и в личных целях (поездки на дачу на озере Балтым, за продуктами в подсобное хозяйство в поселок Малый Исток, доставка детей в школу).

Даже после «открытия» «городка» в 1950-е гг., когда был снят пост охраны, как отмечает ряд информантов, снабжение военторговского магазина в «городке» было лучше, чем центральных (ЦУМ, Пассаж) городских универмагов. В частности, там был более богатый выбор тканей или *«хлеб лучшего качества и вкуса»*, за которым приходили из ближайших районов.

После открытия «городка», которое совпало с периодом «оттепели» и процессами демократизации жизни в СССР, исчезают видимые атрибуты «элитарности» материального снабжения «городка». Они приобретают иные формы (заграничные поездки, первые личные автомобили, высокая заработная плата, возможность получения хорошего высшего образования для детей). Строятся новые, более комфортные дома для действующих или бывших сотрудников ведомства. Но удобство расположения «городка» (как мотивационный фактор) иногда перевешивает в ситуации выбора переехать/остаться, и семья остается в прежней квартире.

Как показывают полученные нами сведения о материальной культуре «городка», в приватном распоряжении жителей был базовый набор предметов — от мебели до посуды. То, что можно было купить, порой с большими скидками, если речь идет о еде, предоставлялось в более широком ассортименте, нежели в целом по городу. Но эта материальная исключительность была условной, — на общем фоне жители городка пользовались материальными благами повышенного уровня, однако это не означало, что они не страдали от дефицита тех или иных товаров. Практика реализации излишних талонов на питание на рынке доказывает, что система не могла обеспечить своим членам по-настоящему коммунистический уровень жизни. Однако в целом «решенность» многих проблем — готовка пищи, поиски дефицитных товаров — хотя бы частично воплощала утопическую идею обеспечения человека всем, что он мог пожелать.

Лексика «городка». Здание нынешней гостиницы Исеть местными жителями обозначается как «*подковка*» (или «*подкова*»). Место у фонтана, засеянное травой, называлось «*полянка*». Газовая двухконфорочная плита называлась «*газовка*», а комната с эркером (которая есть в каждой квартире) — «*фонарем*». Жители 14-го корпуса в разных интервью получили наименование «*обслуга*» (чаще всего) или «*сброд*».

Словосочетание «городок чекистов» является неформальным именованием. Официальное название этого жилого комплекса — «Жилой комбинат НКВД № 2». Никто из наших информантов не помнит, когда возникло народное название городка, пришло ли оно изнутри «городка» или сформировалось вовне — в городской среде. Но оно очень прочно прижилось. Проведенный нами экспресс-опрос на улицах современного Екатеринбурга показал, что даже молодежь чаще всего хорошо знает, где находится «городок чекистов», хотя редко кто может объяснить исторические корни такого наименования.

Примечательно, что при общении с не-жителями городка местные маркировали его не только как «*городок*», или «*у чекистов*», но и по появившейся позже на крыше гостиницы «Исеть» надписи «Вперед к коммунизму»: «*Буквы были настолько большие, что их было видно с площади. Они, вероятно, были высотой с дверь*». Эта фраза не просто стала служить известным топографическим ориентиром, но и обыгрывалась в локальных анекдотах: «*“Вперед к коммунизму” пройдите и поверните направо*» или, в зависимости от того, с какой стороны входили в городок, «*не доходя до “Вперед к коммунизму”, поверните налево*».

У нас имеется еще одно интересное наблюдение относительно лексики городка: одна из информанток, покинувшая «городок» около шестидесяти лет назад, при недавнем посещении своего бывшего подъезда стала уверенно использовать слова, актуальные для привычного для нее в прошлом контекста. Между тем в практике ее современного словоупотребления эти слова вытеснены новыми понятиями.

С точки зрения трансформации коммунистической утопии наиболее интересны два понятия, связанные с «городком»: «*городок чекистов*» и «*сброд*». Восприятие нашими информантами первого понятия-топонима показывает, что почти ни у кого (за исключением одного из опрошенных) сегодня нет никаких негативных коннотаций, связанных с чекистами. Драматическая история «снята» другими коннотациями: «городок» — это уютное локальное пространство,

чекисты — примечательная часть советской истории, не лишенная привлекательности в силу мифотворческой силы этого исторического понятия. А вот слово «сброд» фиксирует в себе машинально воспроизводимую модель социального неравенства, прочно сформированную в сознании бывших детей «городка». Это означает, что хотя старожилы «городка» могут себе позволить вспоминать его прошлое как «свершившийся коммунизм» (фильм «Городок чекистов» В. Ярмошенко), в этом коммунистическом раю не было полного равенства. Идея неравенства была заложена в самом распределении жилищного фонда «городка» по принципу места, занимаемого в социальной иерархии НКВД/КГБ. Следовательно, коммунистическое равенство в отдельно взятом квартале не смогло быть реализовано, коль скоро этот квартал был интегрирован в иерархизированную ведомственную систему.

Выводы исследования

Наше исследование повседневных практик екатеринбургского «городка чекистов» продолжается. Нам еще предстоит уточнить исторические трансформации субкультуры «городка», а также достроить картину его повседневности в опыте новых респондентов в поколенческой динамике. Однако материалы воспоминаний его жителей, фотодокументы, свидетельствующие об отдельных моментах жизни в «городке чекистов», позволяют сделать предварительный вывод о том, что «городок чекистов» не был просто утопическим архитектурным проектом, отвергнутым в процессе повседневных практик его жителями, а стал реальным проявлением модели общества, в котором задачи социального обеспечения были подчинены цели бесперебойного функционирования одного из ключевых социальных институтов того времени — системы НКВД. При этом просчеты планирования инфраструктуры данного социального пространства (открываемые наружу окна, отсутствие кухонь) гибко корректировались в ходе жизненных практик, а удачные находки и сегодня продолжают радовать жителей. Повседневные практики «городка» демонстрируют объективную социальную логику, в которой утопическая идея и повседневная практика сплавляются в новый габитус и новую архитектуру быта. Кухонные практики любыми способами «просачивались» и «обустраивались» в пространстве квартир, контрольно-пропускной режим придавал чувство защищенности и вместе с тем дополнялся практиками эскапизма, а диффузия социального состава жителей городка превращала целостную социальную коммуны в территориальное соседство социально разобщенных семей.

Снятие с финансового баланса КГБ/ФСБ территории «городка» включило его в общие процессы, затронувшие жилой фонд советской эпохи, а потому некогда цветущее в коммунальном смысле место («рай», «коммунизм» — так характеризовали наши респонденты социальное поле «городка» до конца 1960-х гг.) постепенно превратилось к 1990-м гг. почти в руины. На сегодняшний день комплекс «городка чекистов» — это культурное поле с пестрым социальным составом жильцов, плохой сохранностью памятников советской модернистской архитектуры, невнятной смысловой наполненностью, но все же это место, которое начинает входить в моду: представители креативного класса (дизайнеры, архитекторы, художники,

ученые) проявляют интерес к покупке квартир в этом квартале, а вид гостиницы «Исеть» и виды из окон этой гостиницы, появившиеся в сети Инстаграм после начала Третьей уральской индустриальной биеннале, доказывают, что екатеринбургский «городок чекистов» — место, в котором утопия начинает обретать черты символического капитала.

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания / пер. с англ. Е. Руткевич. М., 1995.
2. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. : в 3 т. Т. 1 : Структуры повседневности: возможное и невозможное. М., 2007.
3. Ган А. Конструктивизм // Формальный метод: Антология русского модернизма / под ред. С. А. Ушакина. Т. 1 : Системы. Кабинетный ученый. М. ; Екатеринбург, 2014. С. 819–858.
4. Гуцин С. Н. Горячий лед: Записки хоккейного арбитра. Свердловск, 1982.
5. Козлова Н. Н. Горизонты повседневности советской эпохи. Голоса из хора. М., 1996.
6. Лебина Н. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М., 2015.
7. Липовецкий М. Переписка М. Липовецкий — К. Кобрин: «Модерность, если принять эту точку зрения, всегда предполагает конфликт с современностью» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nlobooks.ru/node/5515> (дата обращения: 25.08.2015).
8. Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин» : коммент. Очерк дворянского быта онегинской поры // Лотман Ю. М. Пушкин. СПб., 1995.
9. Мангейм К. Идеология и утопия. Диагноз нашего времени. М., 1994.
10. Парк Р. Город как социальная лаборатория // Социол. обозрение. 2002. Т. 2, № 3. С. 3–12.
11. Пиир А. Для чего нужен двор? (Возрастные сообщества ленинградских дворов) // Антропологический форум. 2006. № 5. С. 345–378.
12. Штин О. В., Дектерев С. А. Конструктивизм в архитектуре жилища Нижнего Тагила // Академ. вестн. УРАЛНИИПРОЕКТ РААСН. 2013. № 1. С. 59–65.

Рукопись поступила в редакцию 24 сентября 2015 г.